

После небольшой настройки Хаяма вставил диск и запустил его. Первым, что появилось на экране, конечно же, было предупреждение перед просмотром. Хаяма помахал рукой, подзывая Кандзаки, и, видя, что тот всё ещё в задумчивости, вдруг почувствовал лёгкое злорадство.

— Тсс, тсс, иди сюда, иди, — прошептал Хаяма, насвистывая и хлопая в ладоши, подмигнув Кандзаки.

— Ты... что ты себе думаешь? — опомнился Кандзаки, направляясь к нему.

Поскольку кровать уже была переполнена, он, используя преимущество призрака, прошёл сквозь матрас и завис рядом.

— Как собака в деревне, ждущая обеда.

Сказав это, Хаяма не смог сдержать смеха.

— Ну и что, ты действительно пришёл.

Кандзаки молчал, а Хаяма, прищурившись, пытался разглядеть его выражение лица, но безуспешно. Впервые за сегодня он почувствовал, что неспособность видеть так раздражает. Однако причина этого разочарования звучала бы не слишком приятно.

Предполагая, что Кандзаки, скорее всего, разозлится и нахмурится, Хаяма понял, что зашёл слишком далеко. Оставаясь лишь на уровне воображения, он уже мог полностью восстановить облик Кандзаки.

— Ахаха, прости... ты сердишься?

— Не особо... Просто не ожидал, что Рин может быть таким игривым.

— Это просто спонтанная идея, правда извини, я не знал, как ты к этому отнесёшься.

Думать о чувствах другого лишь сейчас было совершенно бесполезно. Однако извинение могло хоть немного исправить ситуацию. В этом Хаяма отличался от большинства людей: некоторые говорили, не думая, и лишь спустя долгое время понимали, что их слова могли ранить.

Хотя в разговоре трудно избежать случайных фраз, Хаяма хотя бы сразу осознавал свои ошибки.

И он не пытался скрывать свои словесные промахи. Скрывать смущение или покраснение — это вопрос самоуважения, и такая реакция не вызывала раздражения. Но слова могли ранить, и Хаяма всегда помнил об этом.

Лучше бы изначально не говорить лишнего, но если ошибка уже сделана, извинение — это неплохой выход.

— Я не сержусь... Просто давно никто со мной так не шутил, я просто не сразу понял.

— А.

Верно, Кандзаки был одинок так долго, что за это время, проведённое вместе, Хаяма почти забыл об этом.

За короткое время они уже добрались до основной части фильма. Видя, как яркость экрана

уменьшилась, Хаяма посмотрел на настоящего призрака рядом, а затем на спецэффекты в фильме, чувствуя странное ощущение в душе.

— Кандзаки... у тебя есть это чувство, когда хочется саркастически прокомментировать, но совершенно непонятно, что сказать?

— Наверное. Кстати... мне не понравилась твоя шутка.

Какое это состояние? Хаяма внутренне удивился. Неужели Кандзаки из тех, кто любит... когда его называют собакой? Для других это было бы оскорбительно, но он сказал «не понравилось»?

— Кандзаки? Мне, наверное, стоит пересмотреть своё мнение о тебе... Может, тебе нравится, когда тебя сравнивают с животным?

— Не в этом дело, просто потому, что это был «Рин», я не рассердился. Если бы это был кто-то другой... возможно, я бы усилил свои шалости, а не ограничился розовой обложкой.

— На самом деле, кроме розовой обложки, ты только играешь с водой.

Музыка начала звучать громче. Хотя фильм шёл в одиночестве, двое зрителей обсуждали совершенно посторонние вещи, что было немного неуважительно по отношению к диску. Хаяма покачал головой, наконец сосредоточив взгляд на экране, а не рассеянно поглядывая в сторону.

— О, посмотри на фон.

Начало происходило в маленькой деревне. Нельзя не отметить, что атмосфера первых минут была очень... типичной для жанра ужасов: разрушенные декорации, звук ветра на заднем плане, и вот, из тени появляется женщина в белом.

— Довольно красивая... Интересно, как она выглядит в лицо?

— Это же фильм ужасов, лицо либо будет замазано, либо окровавлено — я прав?

— ...Не отрицаю.

Хаяма пошарил по тумбочке, пытаясь найти наушники. После начала сюжета звуковые эффекты стали важной частью.

— Куда я их положил...

— Вот.

Что-то мягко накрыло его уши — это действительно были наушники.

— О...

Даже не нужно было двигаться, Кандзаки просто немного подправил их, и они идеально сели.

— Эх, — вздохнул Хаяма.

— В следующий раз не делай так... Я стану ещё ленивее.

— Но мне приятно.

Низкий голос Кандзаки раздался одновременно с жуткой фоновой музыкой из фильма, что действительно выбивало из атмосферы.

Словно обладая способностью читать мысли, Кандзаки всегда понимал, что он хочет сделать.

Это ощущение было не плохим, скорее, даже приятным. Хаяма собрался с мыслями, стараясь не поддаваться своим желаниям. Он сопротивляюще толкнул господина Призрака рядом, пробормотав:

— Хотя мне приятно, что ты так делаешь, я не хочу становиться ленивым.

Обычный человек со временем бы устал от этого, даже самые любящие пары когда-нибудь сталкиваются с холодностью в отношениях. Но Кандзаки нельзя было назвать «обычным» — кто знает, насколько терпеливым может быть привязанный к земле дух. Если так будет продолжаться, рано или поздно Хаяма превратится в полного инвалида в быту.

— Ааа, камера приближается, — Хаяма снова уставился на экран.

Почему вдруг возникла мысль о «долгом будущем»? Он клялся, что больше не будет колебаться, но внутри всё равно было беспокойно. Просто ли дело в том, что объект его внимания особенный? Кажется, нет. Может, это просто болезнь влюблённых? Возможно.

Нет-нет, они ещё даже не начали отношения, хотя сейчас уже кажутся очень близкими. Кстати, пока что все инициативы исходили от Кандзаки, а Хаяма, похоже, ничего для него не сделал.

— ...Смотри.

Как и ожидалось, когда лицо женщины-призрака приблизилось, в одно мгновение из красавицы она превратилась в окровавленное чудовище. Фоновая музыка также резко усилилась, и синтезатор издал жуткие звуки.

Затем экран снова потемнел, и появилось название фильма.

— В наше время кто-то вообще может испугаться таких клише? — удивился Хаяма.

Сюжет, где заранее понятно, что произойдёт, — это максимум проверка мастерства звукорежиссёра, на экране уже нечего бояться.

— Это считается клише? — Кандзаки не понял. Очевидно, он тоже не испугался, но о современных трендах он точно ничего не знал.

— Можно сказать, что это своего рода креативность? В плане актёрской игры.

— Ха?

Хотя они только начали смотреть и уже перемотали назад, что было немного неуважительно к фильму, но по этому предварительному просмотру можно было понять, что качество картины невысокое, так что не стоит обращать внимание на мелочи.

— Очень красиво, тебе не кажется?

Да, Хаяма был эстетом, и это не ограничивалось лишь одним полом. Однако, если говорить о том, что он обращает внимание на внешность представителей своего пола, это можно

объяснить его эстетическими предпочтениями. Когда же речь заходит о противоположном поле, это звучит как обычное внимание мужчины к женской красоте.

— Подожди... это тоже считается креативностью? Я не успеваю за твоей мыслью.

— Конечно, по крайней мере, я так считаю.

На самом деле, это утверждение было шатким. В фильмах ужасов, когда красивая женщина внезапно превращается в монстра, это уже нельзя объяснить просто как клише, это стало почти традицией.

Но рядом был Кандзаки, и что бы Хаяма ни говорил, он всё равно не поймёт?

— Ха, извини... На самом деле, это слишком часто встречается в фильмах ужасов, но я искренне считаю, что эта актриса очень красивая.

Даже так, не стоит издеваться над простодушным человеком. Хаяма внутренне усмехнулся, но всё же высказал свою настоящую мысль. Это, вероятно, должно было задеть его — когда человек, который тебе небезразличен, восхищается чужой внешностью.

Хаяма также смотрел некоторые молодежные сериалы, где героиня, находясь рядом с возлюбленным, хвалит другого мужчину за его красоту, тем самым мотивируя партнёра работать над своими недостатками. Честно говоря, Хаяма не совсем понимал, зачем героине это нужно, он просто не мог поставить себя на место женщины.

Авторская заметка: Купил печенье, но из-за неловкости все упало на пол. Правило трех секунд!

<http://bllate.org/book/16196/1453392>